Новые люди. Том 2

Автор:
Александр Воропаев

Новые люди. Том 2

Александр Францевич Воропаев

Миссия бывшего стажера полиции Анны Нойманн, отправившейся к лесным людям, потерпела неудачу. Матиуш Ардо, обвиненный в убийстве брата, бежит из темницы и движется навстречу новым испытаниям.

Старые клятвы утратили свою силу, отношения больших и малых домов переживают кризис. Тревожные события происходят и на Королевском холме в столице Восточного Предела. Дети Дерика Фюргарта должны будут взять на свои плечи груз ответственности за судьбу Восточных Холмов. Будет ли милосердно к ним будущее?

Александр Воропаев

Новые люди. Том 2

Глава 20

Анна Нойманн

– Где мы? – спросила Анна.

Они сидели в каком-то овраге. Глиняные склоны были покрыты елками с голыми ветками. Франц пристроил пятую точку на гнилой ствол и, опустив голову, понуро смотрел вниз.

– А я знаю? – устало ответил он.

– Это уже утро. Мы бежали всю ночь. Я точно помню, что мы пересекали реку. Значит, мы на своем берегу.

– Если это была Эльде. Здесь что, других рек нет?

Анна посмотрела на него. Да, они вымотались. Бока Франца ходили туда-сюда. Как у замученного пса. Она и сама не чувствовала ног. Все ее тело гудело.

– Нет, лучше будем считать, что это Эльде. Не хочется верить, что мы так долго бежали не в ту сторону. Тогда Пархим будет там. – Она ткнула пальцем в противоположный склон.

– Сейчас появится солнце, и мы узнаем… Давай немного посидим. Теперь мы далеко от всего этого.

Анна вздрогнула. Они, не сговариваясь, до сих пор не упоминали о том, что произошло накануне. Говорить об этом было жутко. И, кроме того, она толком ничего не помнила. В последовательности событий были ужасающие дыры.

После того как Суток закричал и на него набросились береттеи, его посох упал как раз между Анной и Францем. Она помнила, как жезл залил их малиновым светом. Потом была эта вспышка. Чарли превратился в светящийся столб. Это длилось лишь секунды, а потом… Потом она бежала. Ужас гнал ее жгучей плеткой. Ужасом был пропитан воздух и все вокруг. Пространство вокруг сгустилось до вязкой темноты, наполненной страхом и отчаянием. Ужас был осязаем как нечто материальное. Ее тело взяло вверх над разумом и хотело только одного – выжить. Что стало с береттеями, она не видела, не помнила или не хотела помнить.

В сознании возник образ лесного царя, этого голиафа с невозможным для запоминания именем. Он шел на четвереньках по дрожащей земле,

пошатываясь, как медведь. Кожа на его спине горела… Она, спотыкаясь, пробежала мимо, и он тоскливо посмотрел на нее из-под обожженных бровей… Или этого не было?

Когда Анна смогла чувствовать что-то еще, кроме ужаса, она увидела бегущего рядом Франца. Он держал ее за руку… Что-то было не так с ее глазами. Она не видела ничего вокруг. Девушка не сразу поняла, что на них навалилась ночь…

– Я взял у тебя несколько патронов, – сказал Франц.

Анна подняла голову, но смысл сказанного не сразу пробился к ее сознанию.

– Из жилета…

– А-а-а… смотри, чтобы твою пукалку не разорвало…

– Ты думаешь, я тупой? У тебя вальтер под девятимиллиметровый парабеллум.

Девушка махнула рукой, у нее не было сил даже удивляться.

– Сейчас бы пригодился твой мотороллер, – сказал Франц.

– Ты видел мою «Веспу»? – спросила Анна, прикрывая глаза рукой. Вопрос вырвался сам собой – ее сейчас мало что заботило из прошлой жизни.

– Я видел тебя раньше в городе…

…Анна бежала на пределе своих возможностей. Болели ноги, жгло легкие. А она всегда думала, что у нее хорошая физическая форма. Это все проклятые сливочные грибы…

– Мы правильно сделали, что убежали? – спросила она.

Франц поднял белесые брови и вопросительно уставился на нее.

– Суток. Я не видела, что случилось с ним. Может быть, он нас ищет. Что ты на меня смотришь. Ты его видел?

– Ты не видела, как эти хиппи напали на него? Я думал, ты так боишься, потому что видела, что с ним произошло. Ты буквально воняешь страхом всю дорогу.

– Франц, прекрати так говорить со мной. Дети вообще так не разговаривают. Понимаешь ты это?

Паренек только пожал плечами и поднялся. Анна пожалела, что передышка была такой недолгой.

– Дети давно кончились, гауптман. Суток нас больше не ищет. Они били его своими копьями как бешеные. Пока с Чарли не случилось это…

Они вышли из оврага. Перед ними было открытое место. Легкий туман полз от темнеющего впереди леса. Утренний воздух был влажный и гулкий. Анне казалось, что они находятся в каком-то ландшафтном парке Шверина. Место было ровное, рослые деревья, похожие на старые липы, стояли небольшими группами. Не хватало только чугунных скамеек. После нескончаемых километров густого леса, через который приходилось местами буквально продираться, идти наконец было легко.

Под ногами появилась довольно широкая дорога. Нечего и думать, они пошли по ней. Затем на обочине возник верстовой столб. На его вершине сидел вырубленный из камня короткомордый медведь или пес. На уровне глаз висел кусок кожи с рисунком. Он изображал человечка, которого другие человечки тащили в разные стороны за руки и ноги. Ниже было нанесено несколько рун.

– Тут явно какое-то предостережение, – сказала Анна. – Может быть, следует сойти с дороги. Мы могли бы попробовать выйти к Эльде. Так мы гарантированно доберемся до Пархима.

– Мы ничего такого не делаем, – ответил Франц. – Дорога идет на юг. Нам туда и нужно. По оврагам мы быстро ноги обобьем. Это наверняка нарисовано для браконьеров. Чтобы напугать. Плохо быть безграмотным. У тебя, случайно, нет местно-немецкого словаря?

– Сейчас посмотрю, а, нет – не захватила!

Франц был доволен таким ее ответом.

– Вижу, тебе уже лучше.

Они пошли по дороге. Вскоре перед ними появился силуэт небольшой худощавой собаки, она остановилась перед ними, поджимая под себя тонкий хвост и дрожа всем телом.

– Бади, Бади, – свистнул Франц. – Лаки, Роки, ко мне.

Собака понюхала воздух и громко гавкнула. Издалека приглушенно раздался лай десятка собак. Прозвучал рожок.

Легавая исчезла. Через несколько минут из тумана вдруг вывалились люди на лошадях и закружили вокруг путников. Анна вынула из ножен свой меч.
В сопровождении десятка воинов и непрестанно виляющей хвостами и лающей во все стороны своры собак к ним подъехал дородный господин. Он был одет в красные рейтузы и белую свободную сорочку с распахнутым воротом. Его круглое румяное лицо украшали густые бакенбарды. В руке была сложенная плетка.

– Ты кто? – спросил он, обращаясь исключительно к Анне.

Тон его был надменный. Густые брови над выпученными глазами презрительно изгибались. То, как он спрашивал и как сидел в седле, подбоченясь толстой рукой, показывало, что он здесь всем заправляет.

– А ты кто? – спросила Анна. Она не собиралась ни от кого терпеть подобного тона.

– Я? – поднял брови здоровяк. – Я Максимилиан Несельграде!

– А я Анна Нойманн. Гауптман городской полиции Пархима.

– Да ты девица! – воскликнул собеседник.

Он толкнул коня ногами и подъехал к ним вплотную. Анне пришлось отступить на шаг, чтобы лошадь не затоптала ее.

– Точно девица, и прехорошенькая… Что еще за Пархим?

Воин, затянутый в черные кожаные доспехи, наклонился к нему и что-то сказал. Лицо здоровяка изобразило удивление.

– Так ты из города новых людей. И славный меч… Почему у тебя в руке рыцарское оружие? – спросил он. – Ты что – женщина-рыцарь? А это что за белобрысого хлюпика я вижу? Твой паж?

Франц со своим характером, конечно, не сдержался:

– А я вот вижу осла на лошади. Не будь таким же тупым, как твое лицо. Мы на задании по поручению Отто Ренка, лорда Векского… и твоего ярла Дерика. Пропусти нас, иначе тебе влетит от начальника.

– Ярл далеко, а ты, бастард, на моей земле. Сейчас ты узнаешь, как дерзить мне. Ты пожалеешь, что родился на свет. В темную его пока…

Здоровяк коротко махнул плеткой. С лошадей живо соскочили крепкие воины, схватили парнишку за плечи. Они с хмурой деловитостью прижали его к земле, накинули веревочную петлю и в секунду скрутили его. Анну оттерли в сторону лошадьми.

Мальчишку, связанного по рукам и ногам, подняли на лошадь и как овцу приторочили за седлом поперек жеребца. Всадник ударил пятками и провалился в туман.

– Эй, глашатай! Где этот бакалавр геральдики, – крикнул господин в рейтузах.

Появился потрепанный оболтус с мутными глазами. Он едва держался в седле.

– Ну, объяви меня леди Анне. Теперь как следует.

Герольд выехал вперед, выхватил из-за пазухи горн и прижал его к губам. Звуки из трубы вылетели хриплые, как карканье вороны, но громкие. Потом оболтус патетически вознес над собой вялую руку.

– Перед вами, миледи, его сиятельство граф Теодоро Максимилиан Несельграде. Природный лорд Ченемгеда, рыцарь ордена Закрытых Ворот, кавалер ордена Чистого Сердца с мечами и бантами, кавалер ордена Возмездия с мечами и бантами, а также многократный, прославленный и повсеместно известный чемпион всяческих турниров и прочая, и прочая…

– Гауптман Нойманн, – буркнула Анна. – Куда увезли моего… оруженосца?

– Вы проникли на мою землю. Я не терплю этого. Каждого, кто без моего разрешения топчется по моей земле, ждет примерная порка. Если бы мне попался браконьер или проповедник, его разодрали бы на части лошадьми. Но вы… Вы теперь обязаны погостить в скромном замке холостяка. Это будет вашим наказанием. Дайте мне руку и взбирайтесь ко мне. Как получилось, что вы потеряли лошадей?

Анна не знала, как ей поступить. Она не решалась применить оружие. Франца уже куда-то увезли. Вокруг было полтора десятка вооруженных небритых мужчин с недобрыми лицами.

Ей не дали как следует все обдумать. Граф кивнул. Грубые руки схватили девушку и подняли на его лошадь. Она оказалась на холке высокого жеребца. Ее руки сами схватились за черную гриву. Сидеть было неудобно, с ногами на одну сторону.

– Не бойся, красавица, я буду крепко тебя держать, – сказал ей граф в самое ухо.

Он обхватил ее рукой, и она почувствовала спиной его круглый живот.

– В замок! – велел он.

Лошади и собаки закружили вокруг них, и всадники сорвались с места в карьер. Это была бешеная скачка. Все мелькало перед глазами у Анны. Кусты, деревья, лошади и люди. Сколько это продолжалось – неизвестно. Приходилось крепко

сжимать зубы, чтобы не лишиться их в этой свистопляске… Наконец они выехали на ровную дорогу, и тряска прекратилась. Они ехали по широкой долине. За спиной остались высокие холмы, лес и застрявший в нем туман. Оказывается, они спустились с гор.

У графа появилась возможность повести куртуазный разговор.

– С каким же особым поручением оказалась леди Анна в моих владениях?

– Мы были с миссией в землях береттеев. Я не могу распространяться о ее цели. Это знают только ярл Дерик и мой господин лорд Векский.

– В Запретном лесу? Вот чудеса! Мы видели вчера вечером в той стороне небесное знамение. Сияющий столб, подпирающий небеса. Думаю, весь Восточный Предел устрашился этому зрелищу. С другой стороны, где-то за Драконьим хребтом тоже что-то творилось с небом. Оно треснуло, как фиолетовый кварцевый шар. Так ты, моя госпожа, была к этому причастна?

Анна загадочно улыбнулась, набивая себе цену, но тут же вспомнила о Чарли и бедном чародее, и ее улыбка поблекла. Граф это тут же приметил.

– Наверное, кто-то сложил голову в этом походе? Ну что ж, гауптман Анна, я сделаю все, чтобы развеселить тебя сегодня. Я прямой человек и скажу, не таясь: мое сердце расплавилось в огне страсти, как только я увидел твои волшебные глаза. Будь же благосклонна к одинокому рыцарю.

Анна постаралась не замечать его наглой пятерни на своей коленке.

– А куда все же увезли моего человека? Что его ждет?

– Этого нахала? Я казню его.

– Послушайте, граф… ваше сиятельство, мой человек не хотел вас оскорбить. Он не знал, с кем разговаривает.

Вторая рука графа поднялась к груди девушки. Хорошо, что на ней был бронежилет. Ей удалось немного отстраниться от здоровяка, вытянуть руку.

В следующий момент она с размаху ударила острым локтем ему в печень. Мужчина, ехавший расслабленно и занятый другим, совершенно не ожидал этого. Лицо его побелело от боли и злости. Он схватил девушку за горло и заставил прижаться лицом к его губам.

– Ты хочешь увидеть своего наглого пажа? Тогда не ерепенься. Так или иначе, ты все равно будешь моей. Я влюблен. Тебе стоит ответить мне взаимностью, гауптман Анна.

– Ты отпустишь его? – перешла на «ты» Анна.

– Сразу после свадьбы. Я знал, что ты согласишься. Волшебная искра страсти пробежала между нами. Я загорелся от первого же твоего взгляда. Ну, прижмись же ко мне.

– Меня будут искать, граф. Ты не боишься этого? Гнева ярла?

– Будут искать девицу, а найдут мою жену. Кто скажет слово против благородного человека, воспылавшего непреодолимой страстью и совершившего все по обычаю. Я мог бы затащить тебя на сеновал. Но я не таков. Ты будешь графиня Несельграде. Вот как поступает настоящий рыцарь.

Анна сжала зубы и постаралась думать только о вальтере и о том, какое выражение будет на лице графа, когда она всадит в его живот пулю.

– Вот и сладили, – проворковал жених и ласково прикусил ей ушко. Анна отчаянно сжала птичье навершие на своем мече. – Эй, бездельники, – вдруг заорал он, вставая на стременах во весь рост. – Скачите вперед, готовьте пир! Сегодня же будет свадьба!

А замок был красив. Он был не такой большой, как твердыня Капертаума, не было высоченных башен над руслом реки. Но он был очень гармоничен. Белые известняковые стены, терракотовые крыши, два моста, один за другим. Синее озеро и дорога через фруктовый сад.

Даром времени никто не терял. Словно обитателям этого мира был отпущен совсем короткий век и они ежеминутно помнили об этом. Анну сразу отвели в

дальнюю комнату наверху. Передали в руки краснолицей матроны с объемной фигурой и выдающимся бюстом.

Две девушки споро раздели пленницу, тихонько посмеиваясь над ее штанами. Это было чудно?, но Анна больше была обеспокоена судьбой своего оружия. Ее заверили, что все будет в целости и сохранности. А мужскую одежду служанки обещали залатать и постирать. Она успокоилась, только когда пояс с мечом и пистолетом положили на лавку перед ней.

Принесли широкий медный таз. И Анна не стала артачиться. Не стоило отказываться от купания – после прошедшей ночи она была как поросенок. Девушка встала ногами в теплую воду. Служанки принялись обтирать ее тело мокрыми губками. Вот это было реально странно, словно она была ребенок или беспомощная. Но девушки воспринимали это как должное. Намыливали усердно. Затем ее обдали из кувшина, одна служанка встала для этого на стульчик. Вода пахла хорошо.

Принесли белое хрустящее платье. Анна, каждую секунду искавшая выход из этой западни, не могла не ахнуть. Это было чудное платье. Везде нашиты серебристые капли жемчужин. Пышные рукава-фонарики, серебряные пуговички. Может, немного старомодное, но очень славное… Только вот сбежать в нем будет сложнее. С этим шлейфом… Ладно, ничего… Она его только примерит. Из чистого любопытства. Лишь ее оставят одну хотя бы на пятнадцать минут, она скинет его и рванет искать Франца.

Платье оказалось великовато. Швеи уже были наготове и принялись подбирать юбку внизу и перешивать крючки на спине. Анне поднесли зеркало на бронзовой ручке, но оно было чуть больше ладони, что там можно увидеть? Кусочек лифа, плечо… Одно расстройство, даже не полюбуешься на себя такую красивую. И фотографий в мобильнике не останется.

Появились туфельки, тоже беленькие, атласные. Они были впору. Подняли край юбки и шелковыми лентами привязали их к щиколоткам.

Матрона, руководившая процессом, тяжело опустилась перед Анной на колени, поставила на пол шкатулку. В ней оказались браслеты, расшитые бисером. По кругу крепились маленькие колокольчики.

– Это еще зачем? Как корове. Они же будут звенеть при каждом шаге.

– Вот еще новости, без этого никак, колокольчики страсти, – возмутилась распорядительница. – Муж снимет их с тебя утром.

«Муж!» – Анна прикусила губу.

Дальше все опять завертелось в бешеном ритме. Никаких пятнадцати минут у нее не было. Не было даже двух. Появился конвой или эскорт. Мальчики в белых курточках, белых плащах и красных беретах. Этакие мухоморчики.

Ее взяли за руки и вывели в дверь. Она только оглянулась посмотреть с сожалением на свой пояс. Эх, вальтер!

Спустились по ступенькам, и пажи заняли место за ее спиной.

Перед выходом мальчишки придержали ее за шлейф. Они ожидали сигнала. Потом кивнули – можно, пора… Анна осторожно вышла через арку. Навстречу ей раздался дружный рев одобрения. С балкона заорали медные трубы. Граф с грохотом отодвинул стул во главе пиршеского стола и пошел к ней. Он демонстрировал искреннее нетерпение жениха.

– Вот моя лебедушка, – крикнул он и схватил Анну за руку. На ее ногах предательски звякнули дурацкие колокольчики.

Граф обернулся вокруг, ища кого-то.

– Где этот треклятый служитель Ураш? Сюда его. Пусть начинает обряд!

– Как? Уже? Так скоро? А где мой оруженосец? – При каждом шаге Анны раздавался тонкий звон.

Подвыпивший жених потащил ее к возвышению, за которым стояло изваяние красной собаки. Точь-в-точь Тобби ее хозяйки Ковальчик. Только масть другая.

Из-за портьеры торжественно вышел высокий парень с бритой головой. Над глазами у него были нарисованы красные брови. Он поднял руку вверх, и зал

затих.

Все ждали. Анна тоже отчего-то затаила дыхание. Вдруг откуда-то сверху на них упал красный луч света. Служитель закричал что-то заполошным голосом и закатил глаза. Воздел руки и облил их головы пряной жидкостью из плошки. Затем он извлек из рукава длинное полотенце. Как уличный фокусник. Этим полотенцем он опоясал их с графом. Напевая какой-то речитатив, он завязал вышитые концы узлом.

– Да здравствует их светлость граф Максимилиан Несельграде и графиня Анна Несельграде. Да не оставит их создатель без потомства!

– Нет! Не оставит! – заорали гости. Зазвенели кубки над столом.

«И все, – думала Анна, – теперь я жена этого опасного живодера? Ну нет. Пусть как угодно будет по их законам и пусть думают что хотят, но для меня эта дребедень ничего не значит, и моя настоящая свадьба, когда она случится, будет только с моего согласия и на моих условиях».

Свадебный пир начался еще до появления Анны. Граф со своими гостями уже давно сидел за столом. Пока невесту готовили к выходу, они здесь времени не теряли. Перед девушкой стояло блюдо, с которого на нее печально смотрел поросенок с яблоком в пасти. От него осталась только несчастная обжаренная голова. Еще дальше привставший детина в каракулевой шапочке и стеганом жупане скручивал вопросительную шею лебедя. Птица, наверное, была главным украшением стола. На полу рядом с Анной стояла ваза, наполовину заполненная костями. В воздухе висел гул пьяных голосов. Был уже тот момент, когда все говорили со всеми.

Женщин на гулянке было немного. Они почти все располагались в конце стола. Ближе к молодым сидело несколько довольно пожилых мужчин. Все в бархате и шелке. Под их пристальными любопытными взглядами Анна не могла даже притронуться к еде. В ее золотую тарелку ничего не положили, а самой тянуться к блюдам при таком всеобщем внимании было невозможно. Хотя есть очень хотелось. Несмотря ни на что.

Она взяла в руку золотой кубок. Слуга тут же налил в него темного вина.

«Напиться, что ли! Догнать жениха? Чем я хуже?»

Что еще здесь оставалось делать? Гул вокруг стоял просто невообразимый, и мысли в голове путались и без всякого спиртного. Граф пальцами в перстнях грозил напомаженному старику с поникшим носом.

– Вы не видели, какую я красотку отхватил. Посмотрели бы вы на нее в штанах! Какие ножки, какая попа!

Старик, к которому он обращался, криво улыбнулся, он скармливал кусочки ручному хорьку. Животное сидело прямо между тарелок. На нем было надето расшитое серебряными орлами сюрко.

– Нет. Никто не сравнится с божественной леди Пергалиной. – Какой-то рыцарь встал со своего места, хватаясь за плечи соседей. В руке у него было свиное ребро. Свои слова он подкреплял фигурами, широко изображаемыми в воздухе этим ребром. – Жена лорда Багтьяни воистину – самая красивая женщина на всем пространстве от Гнилых Зубов до Эльды! Первая красавица Овечьих Холмов. Дама моего сердца, изволите узнать!

– Что за мерзкое название «Овечьи Холмы», – закричал рыцарь на другой стороне стола. – Я присягнул славному Дерику как королю Элендорта. Так и знайте! За Элендорт!

– За Элендорт! – заорали все. – За короля Дерика!

Анна стукнула пустым кубком по столу. Слуга опять наполнил его, при этом он налил на скатерть и облил руку девушки.

– Нет, за леди Пергалину, чьи прелести затмевают все! Я требую! – защищал даму сердца рыцарь.

Граф вскочил и вытаращил глаза.

– Могу поклясться своим годовым доходом, что ты лжешь! Лжешь! Господа! Господа, рассудите нас.

Он схватил Анну за руку и потащил ее прямо на стол. Она была в ужасе. Зазвенели кубки, расплескивая кровь вина по скатерти.

– На стол, детка. Все смотрите! – Он дернул за подол ее платья. Материя полезла по шву. – Смотрите, какие у нее ноги!

– Ну и что ноги! Ну, две ноги! Все? – пьяно возразил рыцарь. – Где же изгибы?

Граф полез на стол и с треском разодрал платье на бедре Анны. На нее он даже не смотрел. Он держал ее за плечо, чтобы было половчее орудовать, и показывал толстым пальцем на ее незагорелое бедро. Платье почти погибло и ничего не скрывало. Анна зажмурила глаза и прикрыла ладонью треугольник внизу.

– Видали! Это вам не изгибы?

– Грудь! Грудь! – кричали пьяные гости.

Граф с готовностью повернулся к молодой жене. Его рука потянулась к лифу.

– Да ты охренел, козел! – закричала Анна и вцепилась обеими руками ему в волосы на висках.

Молодожен взвыл и схватился за ее руки. Девушка ударила его коленом, не разбирая. Один раз, другой… «Ах, не так, Анна! Чему тебя учили?!» Она нацелилась в пах, но не попала. Граф отшвырнул ее от себя. Анна сгруппировалась, но не удержалась на столе. Места было мало. Она неловко упала на чьи-то колени, пребольно ударившись о столешницу боком.

Гости ревели в восторге. Да, это было чудесное зрелище. К тому же все это сопровождалось радостным звоном этих треклятых колокольчиков страсти.

Анна почувствовала чужую руку на внутренней стороне ноги и, недолго думая, ударила наглеца головой в нос. Вместе с обидчиком и его стулом она грохнулась на пол.

– Какова моя новая женушка! А! – Граф торжествующе расставил на столе ноги. – Горячая штучка! Что я вам говорил. Придется постараться, обкатывая такую сноровистую кобылку! Вот это будет ночка! А сейчас отведите ее в спальню. Эй, вы там! Я скоро ею займусь.

Анна пыталась подняться, длинное платье ей ужасно мешало. Она была в нем совершенно неуклюжей. Новобрачная оттолкнула ногой барахтающегося увальня, при этом разодранное платье позволило обнажиться всей ноге до бедра. Гости из дальнего конца стола вскакивали на свои стулья, чтобы ничего не упустить. Даже женщины.

Анна перекатилась на сторону и встала на четвереньки. Если бы у нее сейчас был ее вальтер…

Слуги с двух сторон подхватили ее за локти.

– Эй, граф, а как же наш уговор, – крикнула Анна. – Где мой человек!

– Это она про своего слугу, а представляете, как рьяно она будет защищать наших детей. Эта кошка любому глотку перегрызет, – провозгласил граф и спрыгнул со стола.

– Ах ты, ушлепок средневековый. – Анна попыталась дотянуться до него и пнуть его ногой. – Детей ему подавай!

Граф загоготал и кивнул своим слугам. Те потащили Анну к ближайшей лестнице. Она дернулась, но кто-то из холопов пребольно двинул ей кулаком под ребро. Девушка замерла, решила пока поберечь силы. Мужской гогот стал ослабевать.

Перед ее глазами проплыли ступени, высокая арка и сводчатый каменный потолок. Старик в ливрее дрожащей рукой отворил дверь. Сейчас ее запрут. Анна попыталась вырвать из тисков правую руку, но ее держали очень крепко. Она извернулась, целясь зубами в чье-то близкое ухо – и это не получилось. Ее внесли в комнату, не сильно и незлобиво отшвырнули в сторону и захлопнули тяжелую створку двери. Анна упала на пол. Толстый ковер поглотил звук. В нос ударил запах затхлой пыли.

Опять открылась дверь, впуская в комнату шум банкета и прямоугольник света, который упал на голую спину пленницы. Анна сжалась и повернула голову. Старый лакей в ливрее поставил на комод звякнувший поднос.

– Покушайте, госпожа, – произнес он.

Анна отвернула лицо к ковру. Дверь закрылась.

Она не плакала. Глаза ее были сухи. Вино пошло на пользу – в ней не было жалости к себе, лишь злость. Девушка села на колени и осмотрелась. Это была большая спальня, погруженная в полумрак. Только высокое окно освещало ее. Ночь была лунная.

Возле дальней стенки стояла огромная кровать с высоким изголовьем и резными деревянными столбами. На столбах накинута кисея балдахина. С потолка свисали тяжелые плюшевые полотнища с красными псами.

– Значит, это будет здесь. – Она встала и двинулась к кровати. – На этом сексодроме…

Сейчас ее муженек наберется побольше вина и вспомнит о молодой жене. Ее вальтер и меч остались в той комнате, где ее нарядили в свадебное платье. Иначе она бы знала, что делать…

Анна вдруг опомнилась и подбежала к окну. Каждый ее шаг сопровождался трезвоном браслетов. Створки были распахнуты. Она высунулась в ночную тишину. За окном лежал старый запущенный сад. Но нечего было и думать убежать через окно. Слишком высоко. И до деревьев было не добраться. Анна вскочила на широкий подоконник и посмотрела вниз. Нет, это самоубийство. Она увидела крепостную стену и прилепившиеся к ней постройки. На стене в карауле скучал солдат в тускло поблескивающей каске с двумя козырьками. Ей послышалось, что где-то кто-то ругнулся по-немецки. Куда они могли запереть Франца? Девушка сорвала ненавистные браслеты и швырнула их в кусты.

Со стороны кровати раздался какой-то шорох. Анна замерла. У нее в голове промелькнула мысль о здоровенной серой крысе с розовым хвостом. «У них же здесь Средневековье. Антисанитария. Они должны тут быть везде». Но следом за шорохом послышался приглушенный голосок, и затем еще один.

Анна спрыгнула с подоконника. Звуки тут же прекратились.

– Кто там? – произнесла девушка. – Кто здесь прячется?

Бархатные портьеры закрывали ложе любви. Целый лабиринт полотнищ. Подвязанных и распущенных. Звук не повторялся.

– Ну-ка, покажись. – Анна осторожно пошла вперед. – У меня кинжал! Имей в виду.

Она кошкой вспрыгнула на покрывало.

Горы подушек возле изголовья зашевелились. Из-под них появилась детская кучерявая головка. Темные глазки с испугом смотрели на Анну, каждую секунду готовые разразиться слезами.

Девушка тихо опустилась на кровать. Правой рукой она прижала разорванный бок атласного платья.

– Ты что здесь делаешь? – негромко произнесла она.

– Мы здесь прячемся…

– Ты здесь не одна? – Анна повернула голову. – Где же вы все?

– Мы здесь только с Себой. От папки прячемся. Вылазь, Себа. Она добрая…

Плюш колыхнулся. Возникла детская ладошка, а за ней перепачканное мальчишеское личико. Его брови были сурово сдвинуты.

– Ты не дерешься? – спросил он.

– Что ты, я никогда не бью детишек. Тем более таких милых.

– Я не ребенок, – сказал мальчик. – Мне уже семь лет. И я смотрю за Гердой. Ей только четыре.

– Ты наша новая мама? – спросила Герда.

Анна пожала плечами. Она протянула руку и запустила пальцы в светленькие шелковые кудряшки девочки.

– Ты красивая… А ты не умрешь? – спросила Герда.

Девушка отрицательно покачала головой.

– И не убежишь? – спросил мальчик. – Не убегай. Папка спустит собак, и они тебя больно покусают.

Анна обернулась к двери. Нужно было что-нибудь с ней сделать.

Комод возле двери, на который сердобольный слуга поставил ужин, выглядел достаточно массивным.

Анна уперлась в него двумя руками, и он, издав тоскливый звук, с трудом сдвинулся с места. Она подумала секунду, открыла ящики. На пол полетели какие-то носильные вещи, рулоны материи. Освободив ящики, Анна смогла придвинуть комод к двери. Даже Себа помогал ей. Вещи Анна запихала обратно. К комоду присоединились два тяжелых кресла.

– Ну, детишки, теперь другое дело! – сказала она. – Еще бы хорошо мне переодеться во что-нибудь, вернуть мое оружие и Франца. А сейчас признавайтесь, кто здесь хочет есть?

Детишки радостно вскрикнули.

На подносе оказались полбока жирного гуся, хлеб и виноград. Дети жадно набросились на еду. Еще лакей притащил кувшинчик черного вина. Есть Анна почему-то не хотела, а вот вино ей пришлось кстати. Она налила себе кубок и с ногами забралась на постель. Девушка подсунула под спину несколько подушек и смотрела, как Себа и Герда уничтожают снедь на комоде. Глаза ее против воли

начали закрываться. Она поняла, что совсем спит, когда на миг проснулась от того, что с двух сторон к ней прижались детские тельца. Она улыбнулась и обхватила их руками.

Среди ночи они проснулись от грохота. Кто-то ломился в дверь спальни. Дети спрыгнули с кровати и полезли под нее. Анна вскочила, готовясь к отпору.

Раздался пьяный голос графа Теодоро Максимилиана, кавалера всяких орденов с мечами и без. «Вот оно. Куда же бежать и чем защищаться?» Анна искала хоть что-нибудь. Под руку подвернулась только бронзовая масляная лампа. Сможет она оборониться ею от брачного нетерпения здоровяка? К счастью, дверь оказалась очень надежной, а комод – достаточно тяжелым. Граф постучал-постучал, отбивая себе кулаки и заставляя пленницу всякий раз вздрагивать, и убрался прочь, проклиная свою новую жену и суля ей всяческие кары. Его пыл некому было подогревать: приятели перепились и давно дрыхли где попало в огромном замке, слуги попрятались от господского сумасбродства, а он сам достаточно набрался спиртного, чтобы предпочесть где-нибудь завалиться спать и оставить разборки со строптивой женщиной назавтра.

– Эй, приятели. Где вы там? Все в порядке, – позвала Анна.

– Он ушел? – появилась кучерявая головка Герды.

Дети довольными зверенышами залезли на кровать и вернулись на свое место. Только что не урчали. Через минуту все крепко спали.

День начался со звука горна.

Солнце стояло высоко. Анна проснулась и села в кровати. Дети, пряча уши, зарывались в подушки, не желая просыпаться.

Из окна лил яркий солнечный свет. Занавеси поднимались свежим ветерком. Со двора раздавался шум. Звенело железо, слышался перестук лошадиных подков, сердитая ругань и смех.

Анна подошла к окну. Внизу граф залезал в седло на высоком черном жеребце. Вокруг него шли приготовления к какому-то военному предприятию. Солдаты разбирали копья и алебарды из пирамид, шумно строились в каре.

«Война, что ли? Что происходит?» – Анна увидела вчерашних гостей на лошадях. Один еще спал, сидя в седле. Оруженосец цеплял ему на пояс меч.

Знаменосец в блестящем шлеме и в куртке с полосатыми рукавами держал над головой графа квадратный флаг с красной собакой.

– Ты заперлась от меня, айдучка! – крикнул Анне муж. Он сразу увидел ее. – Ну, ничего. Сейчас я занят. Нужно проучить одного нахала. Баронет Мульчи возомнил себя бессмертным и охотится в моем лесу на Хромоногом кряже. Сейчас я оторву ему голову и вернусь к тебе, моя радость. Приготовься отведать моей любимой плетки.

К нему подскочил оруженосец и вложил в его металлическую перчатку с длинной крагой огромный меч. Граф поднял оружие над головой и угрожающе зарычал.

Анна отступила к портьере и с нетерпением ждала, когда ее новообретенный супруг уберется со двора со своей свитой и шумным войском.

Рыцари и солдаты толпой двинулись через ворота. Граф ехал впереди. Когда последний воин скрылся в арке, Анна бросилась к комоду.

Она спешила и отодвинула его совсем ненамного, можно было только едва протиснуться в дверь. К тому же комод производил дикий звук. Даже дети проснулись. Себа следил с кровати за ее действиями.

Дверь после ночного визита графа осталась незапертой. Анна подмигнула детям и высунула голову в коридор. По проходу шел мальчишка с сонным лицом. В его руках была ночная ваза. Запах был весьма определенный.

– Эй, ты, – позвала его Анна, сморщившись, – знаешь меня?

Парнишка кивнул и уставился на ее разодранное платье.

– Меня вчера снаряжали перед свадьбой. Где мои вещи? – Она взялась рукой за край ткани на боку. «Не хватало еще покраснеть».

Слуга испуганно помотал головой.

– Постой-ка. Оставь ты это… Тогда веди меня в ту комнату, где меня переодевали.

Комната оказалась рядом, на этом же этаже. Ее одежда исчезла, но ремень с мечом Биорков и кобурой лежал нетронутым. Было нелепо и невозможно нацепить его поверх платья. Анна накинула ремень на плечо. В дверь вошли дети. Герда сразу подбежала к ней маленькими ножками и протянула ручки. Это было так трогательно, что у Анны защемило в груди… но времени не было совсем – нужно было найти Франца. Пока граф с приятелями занимается вторгшимся в его владения соседом, есть шанс сбежать из замка. Потом может быть поздно. Лорд ясно дал понять, что разберется с Анной за то, что она его продинамила. Неизвестно, чего она страшилась больше, его гнева или расположения.

Она повернулась к слуге.

– Как тебя зовут?

– Граст.

– Давай-ка, Граст, соображай. Вчера привезли моего оруженосца. В таких синих штанах. Куда его могли упрятать?

Монетка, которую Анна достала из кобуры, смогла оживить его взгляд.

– Так во дворе… У ворот.

– Давай веди меня. – Она крутанула металлический кружочек в пальцах.

Двор был пуст. То есть там были какие-то люди, занимающиеся делами по хозяйству, но всех солдат и собутыльников граф увел с собой. Даже на крепостной стене не было вчерашнего караульного.

Вход в зиндан был в одной из пристроек у стены. Дверь была надежная, массивная, но повесить настоящий замок отчего-то никто не побеспокоился. Анна открыла темницу, просто вытащив из скобы металлический костыль. Франц был цел и сидел, прислонившись к стене, сразу за дверью. То, что казалось очень сложным, разрешилось мгновенно. Ни охраны, никого, кто возмутился бы ее самоуправством. Другое не давало Анне покоя. Здесь она не видела простого решения. Дети… Девушка все время чувствовала затылком их присутствие. Они ходили за ней как привязанные.

– Что это за платье на тебе? – хмуро спросил Франц, прикрывая глаза от дневного света. Даже теперь на его лице нельзя было увидеть и следов малейшего страха или опасения. Что за пацан! Ничто его не берет и не учит!

– Пришлось выйти замуж, чтобы тебя не вздернули. Ты, Франц, поосторожнее с языком, в этом мире его, не раздумывая, могут укоротить.

– Быстро ты… За этого краснорожего вельможу? А это что за дети?

Анна повернулась к Себе и Герде. Мальчишка подозрительно рассматривал нового человека. Сестру он отодвинул за спину. На веревочном пояске у него в простой петле висел нож. Франц вдруг улыбнулся мальчишке.

– Да, похоже, теперь мои, – сказала Анна. Она бросила Грасту монетку. – Давай, приятель, если найдешь мою одежду, получишь еще одну.

Паренек с готовностью кивнул. Франц проводил его взглядом.

– Этого подмазала, – сказал он. – А где все? Зомби их подрали?

– Драться с какими-то соседями поехали. Франц, пока есть время, найди себе оружие – посмотри по этим подвалам, я видела, у них где-то здесь должен быть арсенал. Они собирались на драку в этом дворе. Если раздобудешь лошадь, это будет фантастика, но вдруг… Я сейчас вернусь в дом. Там в моем жилете патроны и гребень той бабы-яги… Давайте, детишки, покажите мне, где у вас припасы… и подыщите себе одежду, нельзя же в одних рубашонках…

– Ты собираешься забрать этих детей с собой? Ты с ума сдвинулась…

– Не знаю, Франц. И оставлять их не могу. Я же все-таки офицер полиции. Ничего я не знаю. Поторопись.

Анна направилась по ступенькам парадной лестницы в главное здание. Себа и Герда побежали за ней.

Дети привели ее в кладовку при кухне. Анна нашла подходящий мешок. Не очень большой. Быстро наполнила его всякой готовой снедью: краюху хлеба, колбаса, сыр.

Потом вышла в зал. Здесь вчера проходила ее свадьба. Сейчас под закопченным высоким потолком почти никого не было. Только в высоком кресле возле незажженного камина спал старичок в блестящем камзоле. Пахло мокрым кострищем.

Стол был кое-как убран. Под ним слышалась возня собак. Наверное, дрались за вчерашние объедки.

– Где же этот ваш Граст? – спросила она детей. – Мне нужны мои вещи.

Десяток узких высоких окон выходили во внутренний двор. Стекол в них не было. Только деревянные створки. Сейчас они были распахнуты.

Во дворе раздался шум. Заржала лошадь. Анна обеспокоенно подошла к проему. Армия графа возвращалась. Солдаты входили во двор, спотыкаясь и звеня амуницией. Алебарды на плечах, у других пики или вовсе топоры. Но большинство было совсем без всякого оружия. Вид потрепанный. Дворяне прискакали на лошадях. Болезненно оживленные, взвинченные. Одни бросились в арсенал, другие по лестнице к дому.

Гремя железом, в зал вошел чернявый офицер с большими вислыми усами. Движения его были нервны. Он сразу посмотрел в сторону массивного буфета. Там стоял, поблескивая тусклым серебром, большой сервиз. Рядом с буфетом был пузатый сундук, комод с позолоченным канделябром.

– Что случилось? – спросила Анна. – Граф Максимилиан вернулся?

– Спекся наш граф. – Усач бросил на Анну только один взгляд и подошел к мебели.

Девушка взялась рукой за разодранное платье. Нужно переодеться, а то у нее уже скоро нервный тик будет. Каждый раз хвататься за бок.

Воин стянул с головы подшлемник. Волосы были потные и спутанные. Следом он сбросил краги с рук. Их он уронил прямо на ковер. Его пальцы хватались за ручки и вытаскивали один за другим все ящички. Их содержимое он вытряхивал на крышку комода. Что-то звякнуло и покатилось. Герда вдруг заволновалась. Она выскользнула из-за спины, подобралась к комоду. Какие-то бусинки или стекляшки упали на пол, девочка принялась это собирать.

– Да что произошло? Что случилось? – спросила Анна.

– Граф Максимилиан поймал животом копье, – пробурчал офицер. – Наш чемпион хотел надрать задницу соседу, а обзавелся новой дыркой. Одно барахло! Где ценности?

Он повернулся к девушке.

– Где он держит золото? Быстрее! Сейчас здесь будет этот молокосос-баронет со своими солдатами. Нужно делать ноги.

Анна начала закипать. Мародеров она раньше видела только в новостях, в жизни это выглядело еще хуже.

Усач увидел ползающую возле его ног девочку, дернул за руку, заставляя раскрыть ладошку. То, что он увидел, не заинтересовало его. В раздражении он отшвырнул Герду в сторону.

Теперь Анна рассвирепела. Небрежность его жеста к девочке была омерзительна.

– Так ты решил поживиться? Вместо того чтобы готовиться к обороне. Ты разве не приносил присягу?

– Заткнись. Она будет меня учить. Лучше не нарывайся. Суверен мертв – мертвы и клятвы.

– Вот ты недоделок сидяписающий! А его дети? Кто их защитит?

Она перехватила ремень на плече и вытянула меч.

– Убери эту штуковину, шлюха. Порежешься. – Он даже не потянулся к своему оружию. Над комодом висел большой герб Несельградов: красный пес, держащий на плече алебарду. Офицер заинтересовался золотым щитом в его лапе.

– Ты сказал шлюха?! – Анна шагнула к нему и, не позволяя себе опомниться, рубанула его клинком по лицу. Рыцарь схватился за ухо и отшатнулся к стене. По его щеке и шее ручьем потекла кровь.

– Здесь дети графа беспомощные. Что с ними будет, если вы все разбежитесь. А ты еще и с собой хочешь что-нибудь прихватить. Ты называешь себя рыцарем? – Она прижала кончик меча к его шее под подбородком.

Офицер отвел руку от головы. Ухо повисло у него на лоскутке кожи.

– Где твои солдаты?

– У меня только оруженосец… Убери. Я только свое хотел взять. Граф мне за год должен.

– Если должен – заплатит. Я заплачу. А сейчас исполняй свою присягу. Или будь проклят. Рыцарь!

Она побежала к выходу. Меч в руке на отлете. Голый бок.

Офицер отшатнулся в сторону, когда Анна пронеслась мимо.

«А как ты думал. Я еще вас научу, как… – Она не знала, чему и кого она научит, но мысль эта билась в ее голове… – …Я еще вас научу». Анна выскочила на крыльцо под балконом. Если она задумается хотя бы на один миг – все пропало.

– Лошадь мне! – крикнула она. За ней в двери показался рыцарь, свое ухо он держал в руке. Одного она уже точно чему-то научила.

Кто-то подвел коня. Анна, торопливо стуча бальными туфельками, сбежала вниз, вскочила со ступенек парадной лестницы на него. Все получилось удачно и ловко. Нога сама попала в стремя. Со стороны никто бы не подумал, что она только второй раз в своей жизни садится в седло. Не считая того, что в детстве ее катали на пони…

Анна ударила жеребца ногами, и тут же ей пришлось его останавливать уздой. Она сделала это слишком нервно и быстро, чуть не поставив животное на дыбы. Но со стороны выглядело это, наверное, очень эффектно.

Все во дворе смотрели на нее. В белом разодранном платье, с оторванным рукавом и мечом в голой руке, простоволосая, она была настоящей валькирией.

– Слушайте все, – крикнула девушка, гарцуя в центре солдат на горячем жеребце. – Если мы побежим, нас всех переловят и перебьют, и… сварят живьем в масле! Есть только один способ остаться в живых: пока они не опомнились, мы дадим им отпор. Мы сейчас поскачем им навстречу. Вы не знаете, я ваша повелительница, графиня Анна Несельграде, и я из Пархима. Это новый город новых людей. Все слышали про него? Про наши чудеса? Так вот, это не сказки! Я раздавлю этого выскочку, как лягушонка. Я покажу вам, какой силой обладают новые люди. Если вы сейчас проявите отвагу, я не забуду этого. Каждый из вас будет рад своей судьбе.

Анна кричала эти слова, каждую секунду подвергаясь риску навернуться с лошади. Она увидела, что на площади появился Франц. Как раз вовремя. Он оттолкнул кого-то в сторону, впрыгнул на коня этого недотепы и возник рядом с ней. Сейчас его безрассудность была как никогда кстати.

– За Анну Несельграде! Или вы собираетесь жить вечно, засранцы?!

Франц выхватил пистолет и шмальнул в воздух. Еще раз и еще раз! Звуки в закрытом стенами дворе прозвучали оглушительно.

Конь под Анной сделал свечку. Солдаты оторопели. Чей-то щит зазвенел по камням.

Вряд ли изменить настроение солдат помогла речь Анны. Они видели, как бесславно погиб граф Максимилиан. Только что они сами испытали унизительное поражение и бегство. Хотя выглядела графиня эффектно: полуобнаженная, со сверкающим мечом Биорков, очаровательная и горячая… Но этого было недостаточно. Даже злые слова Франца не помогли бы – что им слова… А вот безоглядная уверенность новых людей и звуки! Оглушительные звуки огнестрельного оружия! Это сработало.

– За Анну Несельграде! – с восторгом заорали дворяне и солдаты.

Они опять собирали оружие, которое побросали, и спешили обратно через арку.

…Анна скакала во главе своего воинства по утоптанной дороге. Не оглядываясь. Она должна была выглядеть уверенной в том, что люди последовали за ней. Вокруг лежал яблоневый сад. Между деревьев стояли корзины с урожаем. Яблоки лежали на земле и в траве.

Они быстро приближались. Солдаты противника. Отряд, который на них ехал с холма, состоял из нескольких десятков всадников. Рядом с рыцарями бежали пешие воины с полосатыми древками копий, в кожаных шапочках.

«Только одного человека… я подстрелю только одного человека, – говорила себе Анна. – Это нужно. Этим я всех спасу. И этих людей, и тех. Я спасу Себу и Герду. Солдаты обязательно испугаются пистолетных выстрелов и побегут восвояси – этим все кончится».

Анна достала вальтер и попробовала прицелиться. Держала его одной рукой, потому что боялась отпустить уздечку и свалиться. Рука ходила ходуном. Нет, так она обязательно промахнется. Нужно остановиться, но как теперь тормознуть эту чертову животину. Как бы не слететь вперед через ее голову.

Анна стала осторожно тянуть повод на себя. Ее жеребец сбавил ход, но не остановился. Она была уже не далее чем в пятидесяти метрах от противника. Было очевидно, кто здесь всем заправляет. В центре был высокий юноша или молодой мужчина в блестящих латах, с открытым забралом. Возле него

оруженосец держал древко с красно-черным знаменем. С какой-то белой птицей.

Ее люди скакали сразу у нее за спиной. Она слышала перестук копыт.

– Прочь с моей земли! – закричала Анна. Она хотела бы договориться – таков был ее план, но жеребец легкой рысью нес ее к противнику. «Только одного человека», – повторила она себе. Отпустила бесполезные поводья, задержала дыхание и выстрелила, держа пистолет обеими руками, как в тире.

Первый же выстрел попал в цель. Но не в молодого рыцаря, а в его лошадь.

Животное заржало, попыталось встать на задние ноги. В следующий момент силы покинули его, выстрел был смертельный. Лошадь завалилась вперед, подминая под себя своего седока.

Жеребец Анны прыгнул в сторону от звука выстрела и попал прямо в гущу врага. Перед ней мелькнули красно-черные одеяния на воинах. Ей показалось, что она в их руках. Сейчас ее схватят, убьют. Она заполошно начала стрелять в упор в эти чужие доспехи. Налево и направо. Стреляла, пока не опустошила всю обойму. Падали люди, лошади. Враг был в ужасе и смятении. Бешеная женщина в белом платье несла смерть и увечья из страшного оружия. Никто даже не успел на нее замахнуться мечом. Флаг с белой птицей упал на землю и был разодран копытами.

Ее воинство с диким улюлюканьем ворвалось в расстроенные ряды противника. Лязг и ржание. Крики боли. Анна схватилась за гриву и ударила ногами по бокам своего жеребца.

За пределами схватки она оглянулась. Разгром был полный. Прошло не больше минуты. На земле лежали трупы лошадей и людей. Горстка чужаков смогла вырваться. Бросив оружие, вражеские солдаты бежали по пашне к лесу на холме. За ними поскакал всадник с поднятым в руке клинком. Полосатый плащ красиво взвился за его плечами. Девушка поспешно отвела взгляд.

– Вы мой пленник! – кричал чей-то голос. – Протяните ваш меч или умрите!

Она потянула уздечку. Лошадь послушно развернулась к замку.

Сзади раздался частый топот копыт.

– Анна, Анна, что ты сотворила. Ты безумна! – Ее догнал Франц. В голосе его было не осуждение, а восторг. Она смотрела на его опущенную руку. На его меч, окрашенный кровью. Ее замутило. Господи, они все убийцы. Они преступники. Франц увидел ее взгляд.

– А, это… Я специально измазал его в крови лошади. Чтобы не косились. Пока я комплексовал… Эти наши солдаты, они резали им глотки от уха до уха. Ну, ты их накачала, как Геббельс. А я ничего не сделал – не успел. Но ты… Ты была как зверь! Я говорил, ты зажигалочка!

– Пожалуйста, Франц, вернись, останови это. Вели моим именем не добивать пленных. Я больше не могу… Там дети остались перепуганные. Бог весть, что там творится…

Франц пустил свою лошадь и проехал перед ней.

– Я все сделаю, ваша светлость. Сделаю именем графини Анны Несельграде!

Глава 21

Баррион

За свою жизнь Барриону несколько раз приходилось проезжать Щавелевую Гать. Он хорошо запомнил путешествие через это урочище. Первый раз он пересекал его совсем мальчишкой, когда вместе с отцом направлялся на свадьбу одного из Бернов.

Еще тогда Гать представлялась молчаливому мальчику как большое загадочное существо, распростершееся на их пути. Казалось, что оно пристально наблюдает за маленьким Фюргартом и его спутниками. Древнее, неизведанное и чуждое рассматривает быстротечное и суетливое.

Сердце Щавелевой Гати составляло обширное верховое болото. Осиновые и ольховые стволы, фашины хвороста наваливались на болото веками. Веками ненасытная трясина проглатывала их. Вдруг проваливались целые поляны. Участки дороги, которые люди привыкли считать надежными, исчезали навсегда. Новую гать делали в обход, по краю болота и ближе к деревьям. Так появлялись пути, которые вели в никуда. Таких ответвлений становилось все больше, и постепенно они слились в настоящий лабиринт. Теперь он простирался на несколько дней пути.

Объехать Щавелевые болота можно было через владения лорда Дрохича, и это украло бы у путешественника не меньше двух лун и обязательную дорожную пеню. Конрад Дрохич был в своем праве. Грех было не воспользоваться случаем и не сшибить звонкую монету. Вдали от королевской дороги добыть ее было так нелегко. Беспошлинно пропускали только служивых людей Фюргарта и короля. Только львов и вепрей.

Издавна купцы, направляющиеся через Гать, останавливались возле камня короля Луитпольда Прекрасноволосого и ждали, когда накопится несколько подвод. Преодолевать самый сложный участок трясины лучше было засветло и в большой компании. Виной был не только сам лабиринт. Здесь иногда появлялись лихие люди, которые были не прочь поживиться за счет одинокой или заблудившейся подводы. Хотя таким было обычное свойство королевского тракта. Потому торговый люд всегда со страхом всматривался в угрюмые заросли на обочинах: не следят ли за путниками хищные глаза в ожидании поживы.

С тех пор как на Овечьих Холмах появился удивительный город новых людей, движение по тракту значительно оживилось. Сначала потянулись купцы, а за ними разнообразные искатели удачи и приключений со всего Восточного Предела, даже из южных земель, лежащих далеко за Гнилыми Зубами.

На Щавелевой Гати случилось несколько отчаянных налетов на караваны среди белого дня. Купцы стали осторожнее и больше не рисковали проходить опасное место без охраны.

Баррион хорошо знал все это и ожидал обнаружить на подходе к Гати лагерь. И все же он был немало удивлен, когда выехал со своим отрядом из сумрака леса и увидел, сколько скопилось подвод у камня Луитпольда. Все пространство луга занимали костры и бивуаки.

– Никак не меньше сотни повозок, – сказал Утес, присвистнув. Он сделал то, от чего удержался Баррион. – Интересно, что заставило их скопиться в таком количестве?

– Наверняка разбойники пустили кишки какому-нибудь бедолаге, не готовому расстаться с мошной, – сказал весело однодворец Уго Стерн. – Что еще могло заставить овец сбиться в блеющее стадо.

Он пошевелил широкими плечами, поправляя за спиной выдающийся двуручный меч.

– Кишки? – проговорил, бледнея лицом, Текс.

Он переводил взгляд своих водянистых голубых глазенок с одного рыцаря на другого. Свою лютню он бережно прижимал к боку пухлой рукой.

– Хм. Их еще, бывает, для забавы развешивают на ветвях, – добавил с удовольствием Стерн, увидев ужас в глазах музыканта.

Баррион нахмурился. Как Фюргарт, он видел проблему в том, что дорога на Капертаум и Пархим становилась слишком опасной. Слухи распространяются быстро.

– Как бы здесь найти главного пастуха этого стада, – сказал он.

– Ну, это как раз несложно. – Утес пришпорил коня и направился в гущу бивуаков, к самому большому шатру.

Остальные путешественники направились за ним. Мусс за спиной у всех отпустил оторопевшему Тексу подзатыльник, приводя того в чувство.

Рыцарь на большом коне двигался впереди отряда как безжалостный таран. Одним из таких, которым с одного удара крушат ворота в старых твердынях. Воздействие, которое он оказывал на стоянку, было таким же впечатляющим.

С телег и фургонов соскакивали сонные возницы, из всех палаток выглядывали и выскакивали встревоженные люди. Купцы и их слуги, приказчики, менялы. Кто-то из молодцов, увидев людей в доспехах, хватался за оружие. В основном это были колья, но блестело и железо.

Детина в красной рубахе с широким воротом угрюмо встал на пути рыцаря. В ладони он сжимал грубый клинок в руку длиной.

– Меч однорукий кузнец делал, – сказал Утес, равнодушно посмотрев на парня. – Ну-ка убери, а то вместе с рукой отстригу.

Рыцарь толкнул знамя вверх и в сторону, позволив ему развернуться пошире. Красно-оранжевое полотнище зашелестело над головами у торгового люда.

– Флаг наших благодетелей! – воскликнул невысокий купец в богатом кафтане. Он вышел вперед и снял перед всадниками соболиную шапку. – Да продлятся дни славного ярла Дерика. Я вижу перед собой благородного рыцаря Барриона Фюргарта. Какое счастье. Нельзя и придумать большей удачи. Теперь можно перевести дух, рыка красного льва боятся все враги правды.

– Что случилось здесь, почему вы не идете через гать? – спросил Баррион.

– Я Еремей Вохальд, негоциант из Калле-Орта. По сердечному доверию торгового люда избран старшиной этого каравана. Не соизволит ли благородный сэр Фюргарт посетить мой скромный шатер. Вы сможете смахнуть дорожную пыль, подкрепиться и утолить жажду. А я с радостью поведаю господину об оказии, которая приключилась с нами.

У Барриона и его спутников приняли лошадей и провели к одному из лучших шатров становища.

Старшина купцов усадил Фюргарта на мягкие подушки и лично распоряжался угощением знатного гостя. Баррион безразлично относился к пиршествам и угощался весьма сдержанно. От вина и настоек, к большому огорчению негоцианта, отказался вовсе.

Но спутники Барриона не стали упускать случая хорошо подкрепиться. Пока Риард Хонг с любопытством рассматривал убранство каллендийского шатра с зависшим в руке куском сыра, Утес и Стерн быстро разделались с курицей на блюде и уже ломали лепешку, чтобы макать ее в птичий сок, перемешанный с жиром.

– Так что задержало караван возле камня Прекрасноволосого? – спросил Баррион. Он видел, что купец с нетерпением ждет, когда можно будет излить Фюргарту свою досаду.

– Если ваша милость позволит. – Еремей Вохальд сделал знак рукой.

Из-за занавесей появились еще два купца. Один сильно в летах, почти старик. Другой в самой своей лучшей поре: черноволосый и чернобородый, с крепкой головой, как у бычка.

– Это торговые господа Зиновий Лурия из Чедера и Уно Кутасов из Эдинси-Орта.

Купцы поклонились. Баррион посмотрел в сторону своего оруженосца. Утес бросил недогрызенную птичью ножку в миску. Вытер руки о бедра и занял место возле Фюргарта на подушках.

– Если позволительно мне будет заметить, милорд, – сказал старшина купцов, – война – злейший враг торгового человека.

Баррион поднял брови.

– О какой войне вы говорите?

– О всякой, мой господин. Всякая война есть зло. Если какие-то купцы и наживаются порой на этом, то через непомерно высокий риск. В случае же, если война происходит того рода, когда все воюют против всех, а к тому же со стороны на это смотрит сильный и хитрый враг, который только и ждет, когда ему вступить в дело, то торговля совсем умирает.

Баррион был удивлен этим вступлением. Речи купца из Каллендии были очень тревожными. Рыцарь сразу же подумал, что Еремей Вохальд ведет речь о каком-

то замысле Сонетров. Это первое, что пришло ему на ум. Он сам тронулся в путь, чтобы предупредить яростный ответ лорда Стевариуса на гибель его сына и эрла – капитана королевской гвардии сэра Ишти.

– Вы можете указать, о каком враге вы говорите? – спросил Фюргарт.

– Господин Вохальд говорит о том, что в каждом благородном доме, в великом и малом, достают из арсеналов все оружие и доспехи, – сказал старик-купец, которого старшина назвал Зиновием. – Гарнизоны в городах увеличены вдвое против прежнего. На дорогах стало намного беспокойнее, хотя нельзя не проехать по королевской дороге и двух дней, чтобы не встретить людей с развернутым флагом и оружием. Вот и здесь раньше обоз в пять или семь повозок смело проходил через Щавелевую Гать. Теперь приходится собираться в двадцать и тридцать подвод – и этого мало. Надо нанимать за монету воинов или других охотников. А теперь знаете, что произошло?

– Чьих воинов вы нанимаете? – спросил с интересом Утес.

– Все больше из Кревских. Сквайры лорда Кейсута предлагают свои услуги, заправляет там сэр Гектор, – сказал чернобородый купец Уно Кутасов.

– Так что произошло? – спросил Баррион. Он видел, что Риард Хонг навострил уши при упоминании малых домов, ходящих под Хонгами.

– Они запросили две десятины товаром из Пархима, – воскликнул старик. – Это же просто… Раньше красной ценой было два серция с подводы, и то, если недавно случилась какая нехорошая история с разбойничками.

– Вы отказались?

– Мы же не в диких землях! Мы на землях славного Элендорта, пусть королевства давно и нет, под десницей Фюргартов!

Баррион видел желание купца умаслить его красивым словом.

– Мы отказались, – подтвердил и старшина Вохальд.

– Чего же вы еще ждете? – спросил Баррион.

– Сквайр Гектор встал со своими воинами на окраине лагеря. Вон там, со стороны болот, торчит копье с его дикобразом.

– Здесь со всех сторон болото…

– Они больше не торгуются и не уходят. Так и сидят на месте, – сказал Уно Кутасов.

Баррион внимательно посмотрел на молчавшего до сих пор купца. Где-то он уже видел этого круглоголового мужчину.

– Вы боитесь, что они возьмут свое без торга, – понял Фюргарт.

– Что же – умно, – добавил Утес. – Вы войдете на гать, и они запрут вас, как полный бочонок. Тогда они возьмут все.

– У них оружие… – Обозный старшина искательно заглядывал рыцарям в глаза. – А мы только негоцианты. Вы же не допустите свершиться преступлению на землях Фюргартов?

– Сегодня… выходить поздно?

– Поздно, ваша милость, – с готовностью подтвердили купцы.

– Значит, выходим утром. Пусть все будут готовы. Ждать не будем, – сказал Фюргарт.

Он смотрел в сторону. Ему была неприятна угодливость, с которой негоцианты смотрели ему в лицо. Никакого преклонения перед его домом в этом не было. Только коммерческий расчет – сберечь монету на охране и на дороге. Но купцу свое, а льву свое…

– …А пока пусть мой флаг разместят поближе к этому дикобразу. И к вечеру поставьте нам там палатку, – сказал Баррион.

Еще не закончился обед у Еремея Вохальда, как прибежал быстроногий слуга в черном тюрбане. На поясе у него висел кривой реиндольский нож.

– Уходят, – зашептал он, склонившись к голове старшины. Зашептал громко, с сильным акцентом народов моря, так, что всем было слышно без всякого усилия, несмотря на то что танцовщица в газовых шароварах отбивала в звонкий бубен ритм в центре шатра.

– Да говори вслух, – поморщился Вохальд. – Уважаемые гости подумают неизвестно что. Кто уходит?

– Кревонцы уходят. Как флаг со львом увидели, собрались в палатке Дикобраза, а потом стали сворачиваться. Все-все уходят на восток. Путь свободен!

Вышли все же утром, как и планировалось. Опасный участок гати нужно было пройти одним рывком засветло. Угроза со стороны Кревских, судя по всему, миновала, и отряд Фюргарта занял свое место во главе обоза возле проводника. Еще в гати могла ждать разбойничья засада. Конечно, такая жирная добыча была лихим людишкам не по зубам, но они могли этого и не знать.

Вохальд подъехал к Барриону и попросил, чтобы перед обозом развернули красно-оранжевый флаг Фюргарта.

Сотни повозок растянулись на добрую лигу пути. День был ясный, тихий, но неровность дороги не позволяла возницам клевать носом. Слышно было со всех сторон только стук колес по стволам гати и понукание лошадей и волов.

Солнце уже перевалило за середину дня и неуклонно катилось на запад, куда сложными зигзагами двигался караван.

Из-за спины к Барриону тихо приплывали отдельные звуки лютни, без рисунка и мелодии, Текс ехал позади и нервной рукой дергал струны своего инструмента. Глаза распахнуты, на губах кривится улыбка. Купец на соседней подводе неспешно рассказывал сказку здешних краев, и лицо музыканта живо отзывалось на ее сюжет.

Фюргарт привычно не показывал своего интереса, но сам придерживал свою лошадь и вслушивался в нехитрую историю. Мужичок с круглой и лысой, как речной валун, головой вдруг оказался прирожденным рассказчиком. Он играл интонациями, менял голоса, привставал на коленях, отбрасывая в сторону вожжи, и даже хохотал утробным голосом, изображая лесную ведьму.

– Сейчас солнце еще не коснулось деревьев, – вещал торговец. – И потому можно без страха говорить об этом. Но когда тени покроют гать, лучше не припоминать эту историю. Иначе болото вернет свои жертвы… Детей увели в лес и оставили их одних на большой земляничной поляне. Несчастный отец дождался, когда мальчик и девочка забудутся, собирая ягоды в голодные рты, и по кочкам ушел через болота…

Баррион слышал эту историю в разных вариантах. Нового здесь было только живое всепоглощающее болото, в остальном все то же: голод, новая жена и избавление от лишних ртов. Но рассказчик был хорош, мороз продирал по коже, даже его собственная лошадь косила карим глазом на своего хозяина и мотала головой.

Конец сказки все же был необычен. Ведьма и злая мачеха каким-то образом оказались одним и тем же лицом, а детям не удалось избежать гибели. После смерти они превратились в болотных мавок, подстерегающих одиноких путников.

– Риард, прокатись по каравану, – сказал Баррион своему новому оруженосцу. – Если где отставшие, подстегни их. Скоро вечер упадет, нужно будет останавливаться.

Мальчишка Хонг ехал сзади за подводой рассказчика и тоже с удовольствием слушал старую сказку, но с готовностью крутанул свою каурую лошадку. Баррион улыбнулся его рвению уголками рта.

– Ну-ка, Тевон, – приказал Утес своему слуге, – и ты разомнись. Должна же быть и от тебя польза, негоже юному эрлу в одиночку мешочников поспешать.

Слуга грозного рыцаря немедля отправился за Хонгом. На его лице даже появилась и исчезла быстрая гримаса облегчения.

Темнота упала на болота даже скорее, чем этого можно было ожидать. Когда оруженосец и Тевон вернулись к голове каравана, солнце уже зацепилось за деревья, и проводник выбрал дорожку, ведущую к темной стене леса. Здесь, возле скучных осин, было достаточно места, чтобы разместиться головным повозкам обоза. Остальным придется ночевать прямо на гати посреди трясины.

Подводы подтягивались в урочище еще долгий час. За это время был разбит лагерь. Повозки ставили вдоль деревьев. Накрывали джутом от вечерней росы. Разжигали костры.

Чернявый Мусс принес Барриону кубок травяного чая. Фюргарт отстегнул короткий оранжевый плащ. В надвигающейся темноте это было слишком яркое пятно. Звуки лютни, извлекаемые искусной рукой Текса, мягко покрывали людей, готовящих себе ужин и ночлег. Где-то далеко позади на дороге ржала лошадь.

– А ведь это здесь было, – сказал негромко купчик с голой головой.

Сказал как будто сам себе, но все спутники Барриона услышали. Уго Стерн ухмыльнулся и подмигнул замершему Тексу.

– Королевской дороги тогда еще не было. – Рассказчик увидел, что его опять слушают. – По Щавелевому болоту на подводах не ездили. Только пешком или на лошади, если бывалый человек… Жил тогда здесь такой народ – палещуки. Жили тем, что давали им лес и болото. Потом они ушли туда – на север. Ближе к Эльде, подальше от короля Луитпольда. – Он указал в сторону леса. – Дикие места. Болота, пролески, старые каприцы[1 - Каприца – башня или обелиск, возведенные в честь знаменательного события.], первые твердыни.

Все невольно посмотрели вслед за рукой. Там угрюмой спиной к костру и товарищам стоял Утес. Он что-то высматривал на небольшой просеке, уходящей от урочища на север. Его мохнатый черный конь объедал молодую ольховую поросль у деревьев.

Просека была проложена очень давно. Березки и осинки густо проросли через уложенные стволы. Над старой дорогой стояла мертвая тишина.

– Извольте отведать ужин, господин, – позвал Тевон.

Над лагерем Фюргарта плыл запах перловой каши с изловленным по случаю зайцем. Совсем недурной запах для проведших целый день в седле путников. Рыцарь даже не пошевелился.

– Господин, – почти жалобно повторил слуга.

Голос его пресекся. Баррион остановил ложку с горячей кашей у рта.

– Что это там… бродит, – сказал негромко Утес. – Эй ты, знаток баек, иди-ка сюда ко мне… Что это там?

Купец на осторожных ногах двинулся к рыцарю. Округа лежала в сумраке. Наступал тот неуловимый краткий миг, когда сизые неясные сумерки превращаются в ночь. Где-то далеко на болотах кричала выпь. Огоньки костров горели у леса и на гати, делая темноту еще гуще.

Баррион встал и посмотрел сбоку от костра на просеку. Что-то там было… Он переступил через седло и пошел к Утесу и купцу. Спина купца была изогнута в боязливую дугу.

– Я вижу, – сказал Баррион. – Что это? Полурослики?

– Это дети, – прошептал мужичок. – Я говорил… Не надо было мне тревожить их…

– Ну-ка, ну-ка. – Баррион прищурился и боком пошел вперед по старым бревнам, поросшим мягким мхом.

Страшно ему почему-то не было. Места были глухие, низкие, совсем не похожие на родные и торжественные леса Капертаума. Но мысли о том, что за спиной у него на болоте – добрая сотня людей и что вся его команда сейчас поднималась и бралась за оружие, не оставляли места для испуга перед нечестью. А вдруг и впрямь – полурослики… Сзади он услышал знакомые широкие шаги Утеса. Тот его быстро нагнал.

Баррион остановился. Впереди совершенно определенно стояли две детские фигурки. Они были достаточно близко, чтобы увидеть: это были мальчик и

девочка… Они были одинакового роста. Головки у них были беленькие. Глаза смотрели на него… Страх все-таки проскользнул липкой рукой у Фюргарта между лопаток. Почему они молчат?

Утес выскочил у него из-за спины и быстрыми шагами покрыл расстояние, отделяющее рыцарей от детских фигур… или кем они были. Поросль на мгновение скрыла от Барриона Утеса, и он не видел, что там происходило. Кажется, дети пытались нырнуть в лес…

Утес возвращался. В руках он нес двух детей, шести-семи лет. Мальчик в сером зипунчике, девочка в сарафанчике. Оба в лапоточках. Глаза их были расширены от ужаса, синие губы сжаты.

Детей усадили к костру. Тевон сунул им в руки плошки с кашей, ложки, но дети словно не знали, что с ними делать. Они огромными глазами смотрели вокруг себя. На лица взрослых, по которым бегали оранжевые всполохи огня. На лагерь.

К костру подошел чернобородый купец Уно Кутасов. Он внимательно присмотрелся к детям.

– Вы чьи? – спросил он, присев перед ними на корточки.

Дети уставились на его густую растительность.

– Не бойтесь меня, я добрый дядька. Вы здешние?

– Ага, тутошние мы, – ответил наконец мальчик. – Тутэйшие. А живем на хуторе в Абалденке.

– Это – палещуки, – сказал купец, поворачивая лицо к Фюргарту.

– А здесь вы как оказались? Почему одни? – спросил Баррион и тоже присел на корточки. Так дети были посмелее.

– С отведок ехали, – сказал мальчик. – У сеструхи перво?й родился. В Рыгалях были на отведках. Телку отвели в подарок.

При упоминании подарка оживилась девочка:

– Зорку отвели в подарок Аринке. А утром до дому поехали.

– Хорошо, а родители где ваши?

У девочки по щекам сразу побежали слезы.

– Охота налетела – загнала в болото, в дрыгву… тятю и мамку потопила. Лошадь увели, Янку сестру, а мы спрятались, – ответил ее брат. Глаза у него тоже стали мокрые.

– Какая охота? – Баррион встал. – Когда это было? Давно? Сегодня?

– Сегодня… недавно. Лыцари черные на конях. Туда, к Рыгалям поскакали. – Мальчик показал на старую просеку, уходящую на север.

Баррион посмотрел на просеку. Темнота окутала лес по сторонам. Тени выползли на старые бревна. На небе слабо блестели первые гво?здики звезд.

– Не догоним по темноте, – сказал негромко Утес. – И проводника нет.

– Не догоним, если будем мешкать, – произнес Хонг.

Он стоял рядом и вопросительно смотрел на Фюргарта. Баррион нахмурился.

– Дети там сегодня были. Может, помнят дорогу… – несмело начал Тевон и осекся под грозным взглядом своего хозяина.

– Да вы что! – воскликнул Уно Кутасов. – Разве можно ночью. Мы завтра в полдень выйдем с болот, а вы полезете в самую глушь. На этих болотах могут жить одни палещуки.

Баррион угрюмо смотрел на север. На заросшую просеку. Он знал, что отец не одобрил бы. Из-за убийства Ишти Сонетра могла развязаться настоящая война. Ему нужно было направляться к медведям в Первый Уступ. У него самого было

неотложное дело на западе. В Эдинси-Орте пропали Марта и его сын.

– Я знаю дорогу на Рыгали, милорд, – сказал свободный всадник Уго Стерн. – Оруженосцем доводилось бывать там. Должен был об этом сказать, хотя и не вижу достойной причины, чтобы снова ехать в эти дикие места. Мой меч принадлежит Фюргартам – вам и решать. Или пусть решает небо, как говорил мой старик.

Фюргарт не повернулся. Он знал, что опытные рыцари правы, а в мальчишке Хонге говорит юность, которая всегда болезненно ищет справедливости и возмездия. Может, он и сам еще мальчишка, но что будет с ним, если он начнет равнодушно отворачиваться от сиротских слез?

– Если мы мужчины и рыцари… – проговорил Баррион.

Небо перед его лицом вспыхнуло и распалось надвое. Дыхание у него перехватило, и слова застряли в горле. Над лесом, в точности над старой просекой торжественно поднимался бело-голубой столб. Прозрачное ночное небо свернулось белесым сиянием, как яичный белок. Вдруг из-за горизонта стали подниматься черные тугие тучи. На их фоне горящий столб сиял еще ярче. Зрелище было грандиозное и невероятное…

– Если это не ответ неба, – сказал Баррион, поворачиваясь к ошеломленным спутникам, – то я не знаю, что еще нас вернет на путь рыцарства.

…Собирались скоро. Уно Кутасов больше ничего не говорил, только молча смотрел темными глазами и чесал пятерней в черной бороде, пока слуги сворачивали бивуак. Подъехали старшина обоза Еремей Вохальд и старик Зиновий Лурия. Кутасов начал им шептать что-то, показывая на столб и на детей.

Баррион взобрался на коня и ждал, когда можно будет тронуться в путь. Он не знал, сколько времени будет продолжаться это небесное знамение. И, положа руку на сердце, вовсе не было уверенности, что оно относилось к ним, но старая просека была освещена, как днем. Этим нужно было воспользоваться. Как знать, может быть, им будет сопутствовать удача и к утру они вернутся на прежнюю дорогу на запад.

К нему подошел старик-купец Лурия. Руки он прятал в ночной плащ.

– Значит, дальше вы с нами не пойдете, благородный рыцарь? – спросил он.

– Мы прошли самый трудный участок. Завтра вы выйдете на открытую дорогу. Вас много, и никто не решится напасть на обоз.

– Так-то оно так, – мелко покивал старик. – Я, милорд, не о том… много я на своем веку видел людей с разными зверями и чудными созданиями на одежде и доспехах. Все они называли себя рыцарями. Ради славы и чести они готовы были рисковать своей шеей на шумных ристалищах. Могли сложить голову за один цветок дамы сердца. Меч поверженного врага для них был самой желанной наградой. Только не видел я еще, чтобы из-за сермяжных ребятишек они сворачивали со своего блестящего пути и лезли в трясину.

– Ну, значит, тебе, старик, не повезло, – холодно ответил Фюргарт.

Он помнил еще, что, если бы не удивительное событие на небе, он мог и сам миновать старую просеку. Детей, конечно, они бы не бросили. Пристроили куда-нибудь…

Баррион кивнул свободному всаднику Уго и дернул узду своего коня. Нагонят. Нужно было ехать… из-под острого взгляда старческих слезящихся глаз.

Как объяснил Уго Стерн, до Рыгалей было несколько часов пути. И дорога здесь была только одна. Если, конечно, всадники охоты не были бесплотными духами, способными передвигаться подобно туману над трясиной.

Детей посадили к себе на седла толстый Тевон и слуга Барриона Текс.

Мальчик, который ехал у Текса, тихо рассказывал ему о дикой охоте. Бард с интересом слушал крестьянского ребенка. Наклонялся к его светлой головке и задавал вопросы. Наверное, сделает потом из этого еще одну песню…

До Барриона долетали отдельные фразы.

– Мы хотели идти по дрыгве, мы легкие и не провалимся. Но ночью на болоте сидят рапухи. Если попадешься – высосут кровь. Всю до капельки, и будешь белый, как брюхо ужа, а то и помрешь…

– Рапухи?

– Страшные такие. Пучеглазые и рты большие. Ночью в деревню могут заползти, потому детям с вечерней зорькой нужно на полати идти, а на трясине рапух полно. Там их дом родной.

– А что про охоту… ты сказал, это были черные рыцари? У них были рисунки на одежде?

– Это Дикая Охота короля Витовда, – отвечал мальчик шепотом. – С ними ежели повстречаешься, то совсем пропал. Спасу от них нет, потому как они сами уже мертвые…

– Это старая легенда Северо-Западного края, – сказал Барриону Уго Стерн. – Королем Витовдом палещуки называют Барриона Окаянного.

– Далеко еще до Рыгалей? – спросил его Фюргарт.

Впереди черной стеной выплывал очередной поворот просеки. Сияние на небе становилось как будто слабее. Далеко на востоке за Одиноким Малышом была окрашены фиолетовой кляксой обширная область неба. Это было очень странное начало рассвета, и совсем не по времени.

– К утру будем. Я знал, что мы не сможем нагнать банду. Даже если у них был только час в запасе…

– А ты думаешь, это были разбойники?

– Кто-нибудь из местных сквайров шалит, милорд. Бедность, скука… Девчонку украли и лошадь увели. Не призраки же.

На рассвете фиолетовые кляксы на востоке и светящийся столб впереди угасли вместе со звездами. Дорогу и болото вокруг нее укутал густой, как кисель,

ползущий туман.

К деревне они подъехали все еще погруженные в этот туман. Лошадь Барриона тонула в нем по брюхо. Впереди выплыли темная полоса тына, стог сена и хата с камышовой крышей. Перед тыном горел на палке пучок соломы, не в силах оранжевым пятном отодвинуть стену тумана.

Их встречала толпа крестьян. В руках у них были колья и вилы.

– Едут! Едут! – раздался возглас. – Крепче, други. Вместе. Покончим с охотой!

Утес поспешил вперед. Толпа крестьян отшатнулась назад, попятилась босыми ногами по пыльной улице. Очень страшен был этот огромный рыцарь на черном мохнатом коне.

– А-а-а, затопчет, ребята. Пропали мы!

– Заберет душу. Утащит в дрыгву!

– Не трусь! Сам пришел, айдук проклятый. Когда еще так свезет. Сейчас мы его подымем за ребра. Крепче держи вилы.

Утес выше поднял знамя с красным львом. Но и меч у него уже был в другой руке. Страшный и блестящий даже в этом неверном утреннем свете.

Уго Стерн с двуручным длинным мечом за спиной ехал следом.

– Дядя! Дядя! – закричал мальчишка с седла слуги Текса. – Это я – Вацусь!
И Алелька здесь! Это добрые лыцари!

Толпа ахнула и изрыгнула из себя высокого тощего парня с соломенными волосами.

– Ты? Вацусь? – Крестьянин с сомнением всматривался в силуэт всадника.

Мальчишка извернулся ужом и соскользнул с лошади Текса. Тевон спустил на дорогу в пыль его позевывающую сестру. Со сна она ничего не понимала и пустыми глазами смотрела на мужиков с кольями. Брат дернул ее за руку и потащил к худому парню.

– Лыцари! – облегченно загудели крестьяне.

– Это Фюргарты! Это красный лев Фюргартов. Дурни, смотрите, на кого вы вилы подняли. Это лыцари Фюргартов.

Толпа расступилась. Вздохнула облегченно, хотя некоторые крестьяне и смотрели еще с прищуром на заезжих воинов. Ну, Фюргарты, и что?.. К чему они пожаловали? Вилы, правда, опустили зубьями долу.

Баррион в блестящей кирасе, поручах и поножах ехал сквозь толпу. Крестьяне смотрели на него, снимали с голов серые мягкие треухи.

– Вишь, конь хвост поднял. Роняет яблоки. Где ты, дура, видел, чтоб призраки оправлялись…

– Да это принц! Принц лыцарь, защити нас от Дикой Охоты. Мочи нашей терпеть дале нет!

Утес увидел, что крестьяне успокаиваются, и положил лезвие меча себе на колено. Окруженные крестьянами путники проехали на погост. Здесь стояла изба сельского старосты и висела на дереве рында. Согнутая лошадиной дугой пластина рыжего металла на веревке.

К рынде вышел смурной мужик в льняной куртке и овечьей шапке. В руке у него была толстая витая плетка. Он протянул к железке руку с плеткой, но бить в нее не стал. Крестьяне примолкли сами. По высокой шапке мужика можно было понять, что это был староста или другой начальственный человек.

– Я Баррион Фюргарт, – сказал рыцарь. – Это мои люди. Мы нашли ваших детей на старой вырубке возле Щавелевой Гати. Разбойники убили и ограбили их родителей…

– Дикая Охота, – выдохнула толпа при этих словах.

– Похоже, они направились сюда, – продолжил Баррион. – Вы видели их?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Каприца – башня или обелиск, возведенные в честь знаменательного события.

Купить: https://tellnovel.com/ru/voropaev_aleksandr/novye-lyudi-tom-2

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить